

ПАМЯТИ ПУШКИНА.

СТАТЬЯ

М. В. Юзефовича.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1880.

Дозволено Цензурою. Москва. 11 Ноября 1880 г.

ПАМЯТИ ПУШКИНА.

Немного уже осталось изъ живущихъ, которые знали Пушкина лично. Я принадлежу къ этимъ немногимъ. А такъ какъ и малѣйшее свидѣтельство очевидцевъ о великомъ человѣкѣ дорого, то я считаю умѣстнымъ передать о немъ нѣсколько изъ моихъ личныхъ воспоминаній. Много ушло изъ памяти подробностей, особенно изъ бесѣдъ нашихъ съ нимъ, и я передамъ только то, что сохранилось въ ней ясно и точно, за правду чего я могу ручаться по совѣсти.

Мнѣ особенно хотѣлось бы, въ настоящее торжественное для него время, смыть съ памяти поэта тѣ остатки предубѣжденій, которые до сихъ поръ еще пятнають его нравственный образъ, особенно послѣ того, какъ необъяснимое легкомысліе съ одной стороны и непростительное торгашество нашей печати съ другой пустили въ огласку переписку мужа съ женой, гдѣ поэтъ позволялъ себѣ домашнюю и слишкомъ, можетъ быть, свободную болтовню, принимаемую теперь многими за подтвержденіе худыхъ преданій о его нравственности.

Пушкинъ никогда не былъ развращеннымъ, да и быть не могъ. Поэтическая натура, съ присущими ей всегда возвышенными идеалами, безъ которыхъ нельзя быть и поэтомъ въ его истинномъ значеніи (потому что безъ нихъ невозможно поэтическое творчество) не позволяетъ человѣку загроубѣвать въ порокахъ, не допускаетъ его до растлѣвающего разврата. Поэтъ легче падаетъ, чѣмъ нормальный человѣкъ, такъ какъ въ немъ обѣ стихіи двойственной человѣческой природы, духовная и животная, живутъ такъ-сказать врознь, безъ сдѣлокъ между собою, и управляютъ по очередно его волей, дѣля самовластно его жизнь между собою. Пушкинъ самъ опредѣлилъ очень вѣрно это двойственное состояніе поэта. Пога

Молчить его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но за то никто такъ не чувствуетъ и не сознаетъ своего паденія, какъ поэтъ. Онъ страдалецъ, вѣчно падающій и вѣчно кающійся грѣшникъ. Присоедините къ этому впечатлительность, всегда соразмѣрную силѣ поэтическаго таланта, да вспомните окружавшую среду, и вся бурная молодость Пушкина явится тѣмъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности: цѣпью шалостей, временнаго разгула, но никакъ не разврата.

Пушкинъ принадлежалъ къ тому времени, когда началась пересадка къ намъ западныхъ идей о человѣческой личности въ томъ смыслѣ, какъ она опредѣлилась въ понятіяхъ феодальнаго міра, т. е. въ смыслѣ ея обособленія. Но въ нашемъ историческомъ строѣ обособиться личности было некуда и, потому ей пришлось ограничиваться только внѣшнею оболочкой. Явились у насъ Онѣгины, Чацкіе, Герои нашего времени, какъ актеры, наряжавшіеся во взятые напрокатъ костюмы, для театральнаго представленія. Явились и болѣе легкіе проявители своей личности,—подражатели Давыдовскимъ кутящимъ гусарамъ. Ростъ у насъ этихъ идей шелъ послѣдовательно: онъ начался съ мальчишескаго оригинальничанья и подражательнаго либерализма, вынесеннаго нами, вмѣсто контрибуціи, изъ Франціи и приготовившаго затѣю Декабристовъ; потомъ онъ вступилъ въ періодъ болѣе серьезнаго подчиненія себя отрицательнымъ требованіямъ западной науки и жизни,—періодъ, выдающимся представителемъ котораго былъ Герценъ; наконецъ, дойдя до своей зрѣлости, онъ облекся въ уродливыя формы нынѣшняго нигилизма. Таковъ у насъ былъ ходъ развитія идей о человѣческомъ достоинствѣ и о личномъ правѣ.

Пушкинъ засталъ у насъ это развитіе на его первой ступени, когда молодежь только еще рисовалась, позировала подъ внѣшнею драпировкой, безъ внутренней порчи. Чтобъ дать понятіе о томъ, чѣмъ казались тогда молодые люди и чѣмъ они были въ дѣйствительности, расскажу замѣчательный примѣръ изъ моихъ воспоминаній.

Однажды одинъ изъ близкихъ мнѣ людей получилъ письмо отъ отца, въ которомъ старикъ дѣлалъ ему благодушное замѣчаніе за то, что онъ огорчалъ свою сестру, жену сосланнаго въ каторгу Декабриста, никогда въ своихъ письмахъ къ ней не обращая ни одного слова къ ея несчастному мужу. Письмо это было мнѣ прочтено. Хотя я тоже вольнодумствовалъ; но въ Москвѣ, этой матери родственныхъ отношеній, гдѣ я выросъ и воспитался, семейныя чувства окрѣпили во мнѣ по-московски, и я находилъ, что отецъ былъ правъ. Тутъ мой *esprit-fort* разразился цѣлою діатрибой противъ отца (яко-бы пожертвовавшаго для связей судьбою своей дочери) и противъ условныхъ обязанностей дѣтей къ родителямъ. Я съ жаромъ опровергалъ моего опонента. Споръ кон-

чился тѣмъ, что, какъ бы на зло мнѣ, былъ тутъ же написанъ къ почтенному отцу отвѣтъ самый непочтительный и рѣзкій. Но на другой день взбунтовавшійся сынъ одумался, и письмо это было взято обратно съ почты, впрочемъ такъ, лишь изъ снисхожденія къ старости и принятымъ приличіямъ, а не въ отмѣну принциповъ Почти въ слѣдъ за тѣмъ, совершенно неожиданно, пришло извѣстіе о кончинѣ отца. Извѣстіе это до того поразило либеральствовавшего на словахъ сына, что я во всю мою жизнь, ни прежде, ни послѣ, не видалъ женщины, рыдавшей какъ онъ. Въ первые дни онъ почти не принималъ пищи и лежалъ лицомъ въ подушку, которую нѣсколько разъ, днѣмъ и ночью, надо было перемѣнять: до того она становилась мокра отъ слезъ. Я и два другихъ, къ нему близкихъ, устроили при немъ дежурствъ, не отходя отъ него ни днѣмъ ни ночью, пока этотъ нервный припадокъ не прошелъ у него. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я навѣстилъ его въ деревнѣ. У него въ кабинетѣ стояли на бюро акварельные портреты матери, брата и сестеръ, и тутъ же лежалъ завернутый въ бумагу портретъ отца. Когда я развернулъ его и хотѣлъ поставить рядомъ съ другими, этотъ десятивершковый атлетъ, гнувшій желѣзную кочергу въ узелъ, сталъ просить меня дрожащимъ голосомъ, чтобъ я завернулъ портретъ опять, говоря: «къ стыду моему я до сихъ поръ еще не могу привыкнуть видѣть черты отца», и при этихъ словахъ слезы потекли у него по лицу. Таковъ онъ былъ внутри и такимъ хотѣлъ казаться снаружи. И всѣ тогда, каждый въ своемъ родѣ, были мы таковы. Впрочемъ, къ чему скрывать его имя? Разказъ мой ему не въ укоръ, и я назову его. Это былъ Николай Николаевичъ Раевскій, меньшей сынъ героя 1812 года, другъ Пушкина, тотъ «младенецъ избранный», какъ назвалъ его поэтъ въ посвященіи ему Кавказскаго Плѣнника, котораго отецъ десятилѣтнимъ ребенкомъ, съ старшимъ своимъ сыномъ Александромъ, шестнадцатилѣтнимъ юношей, велъ за руки въ атаку противъ Наполеоновской арміи, подъ Дашковой, гдѣ мальчикъ принималъ падавшія и катившіяся ядра за мячи и, потомъ горько плакалъ, когда его уносили на рукахъ подальше отъ этихъ мячей, какъ намъ разказывалъ при немъ, передразнивая его плачь, очевидецъ Декабристъ Семичевъ.

Пушкинъ еще отрокомъ, въ Лицеѣ, попалъ въ среду стоявшей въ Царскомъ Селѣ лейбъ-гусарской молодежи. Тамъ бывали и философы, въ родѣ Чаадаева, и эпикурейцы, въ родѣ Нащокина, и повѣсы, въ родѣ Каверина. Все это были люди, блестящіе не по одному мундиру, разыгрывавшіе роли, каждый по своему вкусу. Въ ихъ кругу впечатлительный юноша естественно дѣлался тѣмъ, чѣмъ были они: съ Чаадаевымъ мыслителемъ, съ Нащокинымъ искателемъ чувственныхъ наслажденій, съ Каверинимъ футилою, опережая ихъ, быть-можетъ, во

всемъ, соразмѣрно своей воспримчивой натурѣ, еще усиленной примѣсью Африканской крови. Но и тутъ гениальный юноша понимаетъ уже суть дѣла, отдѣляетъ шалости отъ порока и говоритъ Каверину въ утѣшеніе,

Что шалости подь легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный и чувство можно скрыть.

Въ этомъ кругу онъ началъ пѣть вино, любовь и свободу, и допѣлся до ссылки или, вѣрнѣе, до высылки изъ Петербурга, въ атмосферѣ котораго онъ, вѣроятно, погибъ бы гораздо ранѣе, какъ погибъ въ ней послѣ. Эта высылка была для него несомнѣнно благодѣтельна, удаливъ его отъ столичной пустой и безалаберной жизни и давъ ему досугъ и время войти въ самого себя и довершить свое умственное и поэтическое развитіе. На Югѣ онъ встрѣтилъ семейство Раевскихъ, замѣчательное по уму и, сблизившись съ нимъ, ѣздилъ вмѣстѣ въ Крымъ и на Кавказъ, гдѣ, подь впечатлѣніемъ новой для него чудной природы, вышелъ на путь серьезнаго поэтическаго творчества. Тутъ же онъ, кажется, испыталъ первую чистую любовь. Скоро и широко озарила его слава: его стихотворенія всѣ знали наизусть, а рассказы о немъ собирались съ жадностью до мелочей, и подвигамъ его повѣсничества рукоплескала молодежь. О шалостяхъ его составлялись даже легенды и то, что забылось бы о всякомъ другомъ, осталось за Пушкинымъ до сего времени.

Но молодость проходитъ, и черты ея совершенно измѣняются съ возрастомъ, физически и нравственно. Посмотримъ же, чѣмъ былъ Пушкинъ въ зрѣломъ возрастѣ.

Я встрѣтился съ нимъ въ 1829 году, когда ему было уже 30 лѣтъ, и при условіяхъ, очень благоприятныхъ для сближенія между людьми: на боевыхъ поляхъ Малой Азіи, въ кругу близкихъ ему и мнѣ людей, подь лагерною палаткой, гдѣ всѣ живутъ на распахку. Хотя время, проведенное мною съ нимъ, было непродолжительно, всего пять-шесть недѣль, но за то всѣ почти дни этихъ недѣль я съ нимъ проводилъ неразлучно. Такимъ образомъ я имѣлъ возможность узнать его хорошо и даже съ нимъ сблизиться. Онъ жилъ съ упомянутымъ выше Николаемъ Николаевичемъ Раевскимъ, а я жилъ съ братомъ его Львомъ, бокъ-о-бокъ съ нашимъ двадцатисемилѣтнимъ генераломъ, моимъ однолѣткомъ, при которомъ мы оба были адъютантами, но не въ адъютантскихъ, а дружескихъ отношеніяхъ, начавшихся еще въ Персіи.

Первое мое знакомство съ Пушкинымъ было довольно оригинально. Я лежалъ въ пароксизмѣ лихорадки, бившей меня по-азиатски; вдругъ я слышу, что кто-то подошелъ къ палаткѣ и спрашиваетъ: дома ли?

На этотъ вопросъ Василій, слуга Льва Пушкина, отвѣчаетъ, открывая палатку: «Пожалуйте, Александръ Сергѣевичъ». При этомъ имени я понялъ, что Пушкинъ, котораго мы ждали, пріѣхалъ. Я, разумѣется, былъ очень радъ взглянуть на него и, когда онъ вошелъ, я приподнялся на кровати и сталъ, со стукомъ зубовъ, выражать сожалѣніе, что лихорадка мѣшаетъ мнѣ принять его, какъ бы я желалъ, въ отсутствіе его брата. Пушкинъ пустился, съ своей стороны, въ извиненія и, по выходѣ, сталъ выговаривать Василю, что онъ впустилъ его, ничего не сказавши о больномъ. На это Василій отвѣчалъ очень серьезно: «Помилуйте, Александръ Сергѣевичъ, вѣдь я зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ васъ ожидалъ Михаилъ Владимировичъ и какое удовольствіе доставить ему ваше знакомство.» Послѣ пароксизма я отправился къ Раевскому, гдѣ и познакомился съ поэтомъ, подтвердивъ ему, что Василій былъ совершенно правъ.

Какъ теперъ вижу его, живаго, простаго въ обращеніи, хохотуна, очень подвижнаго, даже вертляваго, съ великолѣпными большими, чистыми и ясными глазами, въ которыхъ, казалось, отражалось все прекрасное въ природѣ, съ бѣлыми, блестящими зубами, о которыхъ онъ очень заботился, какъ Байронъ. Онъ вовсе не былъ смуглъ, ни черно-волосъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые, а былъ вполне бѣлокожъ и съ вьющимися волосами, каштановаго цвѣта. Въ дѣтствѣ онъ былъ совсѣмъ бѣлокуръ, какимъ и остался братъ его Левъ. Въ его обликѣ было что-то родное Африканскому типу; но не было того, что оправдывало бы его стихъ о самомъ себѣ:

Потомокъ Негровъ безобразный.

Напротивъ того, черты лица у него были пріятныя, и общее выраженіе очень симпатичное. Его портретъ, работы Кипренскаго, похожъ безукоризненно. Въ одеждѣ и во всей его наружности, была замѣтна свѣтская заботливость о себѣ. Носилъ онъ и у насъ щегольской черныи сюртугъ, съ блестящимъ цилиндромъ на головѣ; а потому солдаты, не зная, кто онъ такой и видя его постоянно при Нижегородскомъ драгунскомъ полку, которымъ командовалъ Раевскій, принимали его за полковаго священника и звали драгунскимъ батюшкой.

Онъ былъ чрезвычайно добръ и сердеченъ. Надо было видѣть нѣжное участіе, какѣе онъ оказывалъ Донцу Сухорукову, умному, образованному и чрезвычайно скромному литературному собрату, который имѣлъ несчастіе возбудить противъ себя гоненіе тогдашняго военнаго министра Чернышева, по подозрѣнію въ какой-то интригѣ, по дѣлу о преобразованіи войска Донскаго. У него, между прочими преслѣдованіями, отняты были всѣ выписки, относившіяся къ исторіи Дона, со-

бранныя имъ въ то время, когда онъ рылся въ архивахъ, по порученію Карамзина. Пушкинъ, узнавъ объ этомъ, чуть не плакалъ и все думалъ, какъ бы, по возвращеніи въ Петербургъ, выхлопотать Сухорукову эти документы. Но не таковъ былъ Чернышевъ: онъ въ томъ же году доканалъ окончательно свою жертву. Сухоруковъ состоялъ при главнокомандующемъ, который оцѣнилъ его и взялъ изъ фронта къ себѣ. Этого было достаточно для злобы Чернышева, чтобъ послать за нимъ фельдъегеря, прибывшаго въ Тифлисъ ночью, взявшаго его съ постели и въ туже ночь увезшаго на Донъ въ станицу, безъ права выѣзда изъ нея. Фельдмаршалъ ничего не зналъ и былъ, разумѣется, сильно оскорбленъ такимъ поступкомъ, но сдѣлать ничего не могъ въ пользу сосланнаго. Кстати, приведу здѣсь и другой у насъ подвигъ министра Чернышева. Извѣстно, что его сильно соблазнялъ маіоратъ, въ двадцать тысячъ душъ, слѣдовавшій по наслѣдству графу Захару Григорьевичу Чернышеву, молодому кавалергарду, попавшему въ число Декабристовъ. Захаръ Чернышевъ, какъ я знаю отъ него самаго, вовсе не заслуживалъ быть отнесеннымъ къ главному разряду виновныхъ; но конкурентъ на его маіоратъ успѣлъ упятать его въ каторгу. Съ самаго перваго шага, генералъ Чернышевъ, какъ видно, возымѣлъ уже вожделѣніе къ лакомому наслѣдству и, въ засѣданіи слѣдственной комиссіи, которой былъ членомъ, хотѣлъ публично заявить о своемъ родствѣ съ графомъ. Когда былъ приведенъ графъ Захаръ къ допросу, генералъ Чернышевъ встрѣтилъ его громкимъ возгласомъ: «Comment, cousin, vous êtes coupable aussi?» На это молодой человекъ, всплывъ, отвѣчалъ тоже громко: «Coupable peut-être, mais cousin jamais!» Слова: coupable peut-etre, были приняты за сознание, и непрошенный родственникъ настоялъ на его осужденіи въ каторгу. Я привожу этотъ случай со словъ самого Захара Григорьевича. Когда же сей послѣдній, по окончаніи двухлѣтняго срока каторги, былъ съ поселенія въ Якутскѣ переведенъ на Кавказъ, то министръ Чернышевъ, опасаясь возможности его выслуги и, затѣмъ, быть можетъ, его полнаго прощенія, прибѣгнулъ къ слѣдующему средству: онъ прислалъ къ намъ своего адъютанта, рыжаго Б., чтобъ поймать на чемъ-нибудь и повредить настоящему наслѣднику маіората. Б-на я зналъ по Московскому университетскому пансіону, гдѣ онъ былъ нетерпимъ товарищами за наушничество директору Антонскому, покровительствомъ котораго пользовался въ особенности. По пріѣздѣ его къ намъ въ лагерь, я предупредилъ всѣхъ, кого слѣдовало, чтобъ были съ нимъ осторожны, и эта осторожность соблюдалась всѣми, такъ что придратъся было не къ чему. Но изъ Эрзерума, Раевскій, по неудовольствію съ фельдмаршаломъ, отправился въ Тифлисъ, съ конвоемъ отъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Къ нему

напросился въ конвой и Захаръ Чернышевъ. Ловкому соглядатаю Б. это было какъ разъ на руку. Провѣдавъ объ отъѣздѣ Раевского и, конечно, о томъ, что съ нимъ отправился и Захаръ Чернышевъ, онъ, давъ имъ уѣхать впередъ, пустился за ними въ догонку и догналъ ихъ, какъ бы нечаянно, на бивачномъ ночлегѣ, гдѣ засталъ Захара Чернышева и еще двухъ разжалованныхъ въ одной палаткѣ съ своимъ генераломъ. Здѣсь онъ попросилъ позволенія продолжать путь вмѣстѣ. Дѣлать было нечего: выхода изъ ловушки не оставалось. Государственные преступники продолжали ѣсть и пить на одномъ съ своимъ генераломъ коврѣ. Данныхъ, для порученія Б., было достаточно. По пріѣздѣ въ Тифлисъ, онъ тотчасъ же послалъ доносъ своему министру и, затѣмъ генералъ Раевскій, по высочайшему повеленію, за допущеніе такихъ отношеній съ государственными преступниками, былъ арестованъ, съ часовымъ у дверей; а всѣхъ Декабристовъ приказано было раскассировать по полкамъ, такъ чтобъ не было ихъ въ одномъ полку болѣе двухъ. Вѣроятно въ тоже время Б. донесъ и о Сухоруковѣ, какъ о принятомъ фельдмаршаломъ въ свое особенное покровительство. Но кладъ все таки не дался въ руки искателю: Государю было извѣстно, что между графскимъ родомъ Чернышевыхъ и Чернышевымъ-министромъ не было ничего общаго. Чтобъ отдѣлаться отъ назойливыхъ притязаній временщика, Государь, какъ непреклонный блюститель всякой законности, отдалъ маіоратъ старшей сестрѣ Захара Чернышева, Кругликовой, присоединивъ къ фамиліи ея мужа и фамилію Чернышевыхъ, съ графскимъ титуломъ ⁴⁾).

Я рассказалъ этотъ вводный эпизодъ, какъ любопытный матеріалъ для исторіи того времени.

Возвращаюсь къ Пушкину.

Во всѣхъ его рѣчахъ и поступкахъ не было уже и слѣда прежняго разнузданнаго повѣсы. Онъ даже оказывался, къ нашему сожалѣнію, слишкомъ воздержнымъ застольнымъ собутыльникомъ. Онъ отсталъ уже окончательно отъ всѣхъ излишествъ, а въ большихъ грѣхахъ покаялся торжественно:

..... въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ.
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

⁴⁾ Когда разсказывали А. Т. Ермолову, что Чернышевъ-министръ добивается графскаго Чернышевскаго маіората, то Алексій Петровичъ замѣтилъ: „Что же тутъ удивительнаго? Одежда жертвы всегда и вездѣ составляла собственность палача.“

И этотъ вопль не былъ минутнымъ порывомъ вдохновеннаго сознанія. Нѣтъ, опъ былъ выраженіемъ полнаго нравственнаго поворота. Я помню, какъ однажды одинъ болтунъ, думая, конечно, ему угодить, напомнилъ ему объ одной его библейской поэмѣ, и сталъ было читать изъ нея отрывокъ. Пушкинъ вспыхнулъ, на лицѣ его выразилась такая боль, что тотъ понялъ и замолчалъ. Послѣ, Пушкинъ, коснувшись этой глупой выходки, говорилъ, какъ онъ дорого бы далъ, чтобъ взять назадъ нѣкоторыя стихотворенія, написанныя имъ въ первой легкомысленной молодости. И ежели въ немъ еще иногда прорывались наружу неумѣренныя страсти, то міровоззрѣніе его измѣнилось уже вполне и безповоротно. Онъ былъ уже глубоко вѣрующимъ человѣкомъ и одумавшимся гражданиномъ, понявшимъ требованія Русской жизни и отрѣшившимся отъ утопическихъ иллюзій. Къ нравственнымъ требованіямъ онъ относился даже съ пуританскою строгостью. Въ то время явилась въ свѣтъ книга, подъ заглавіемъ, если не ошибаюсь: *Justine ou les liaisons dangereuses*. Книга эта была въ ходу, но мнѣ еще не попадалась въ руки, и я ея не читалъ. Вспомнивъ какъ-то о ней, я спросилъ Пушкина, что это за книга? «Это, отвѣчалъ онъ, одно изъ замѣчательныхъ произведеній развращенной Французской фантазіи. Въ ней самое отвратительное сладострастіе представлено до того увлекательно, что, читая ее, я чувствовалъ, что самъ начинаю увлекаться и бросилъ книгу, не дочитавши. Совѣтую и вамъ не читать ея». Я послушался совѣта и никогда не бралъ этой книги въ руки. Въ политическомъ отношеніи, въ лицѣ Государя Николая Павловича, помимо милостей и вниманія, которыхъ былъ удостоенъ и которыхъ цѣнилъ искренно и открыто, онъ примирился съ началомъ нашего самодержавія, понявъ его историческое у насъ значеніе и признавая въ немъ самое надежное, зиждущее начало для жизни нашего народа. Онъ привязался всею душею къ Государю, не только по чувству личной къ нему благодарности, но и какъ къ Русскому, по преимуществу, человѣку, любившему отечество не менѣе Петра. Онъ выражался о немъ постоянно въ этомъ смыслѣ и рѣзко останавливалъ тѣхъ, кто, по преданію, обращался къ нему съ либеральничаньемъ. Никто изъ насъ не сомнѣвался въ искренности его чувствъ и мыслей, и на меня, между прочимъ, онъ дѣйствовалъ такъ обаятельно, что, можетъ быть, первая сѣмена здраваго пониманія гражданскаго долга заронены были во мнѣ Пушкинымъ.

Что же касается до ходячаго повѣрья, будто онъ участвовалъ въ затѣѣ Декабристовъ, то я имѣю полное основаніе утверждать, что онъ оставался въ сторонѣ отъ нея. Я это утверждаю со словъ нѣсколькихъ изъ нихъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ. Можетъ быть, онъ сочувствовалъ ихъ цѣлямъ, и его спасла ссылка, но соучастникомъ ихъ не былъ.

Впрочемъ, Декабристы были не то, что отвратительная проказа, съ которою мы боремся въ настоящее время. Это были жертвы честныхъ идей, раздѣляемыхъ въ то время не только всѣмъ нашимъ образованнымъ обществомъ, но и самимъ Государемъ Александромъ Павловичемъ, идей еще несвоевременныхъ, а потому тогда ошибочныхъ и преступныхъ, тѣхъ самыхъ идей, которыя безъ насилія, а сами собою, исторически, осуществились въ реформахъ нынѣшняго царствованія. Декабристами, за исключеніемъ нѣсколькихъ безумныхъ головорѣзовъ, былъ нарушенъ не нравственный, а только государственный законъ. За то они и пользовались такимъ общимъ уваженіемъ въ несчастіи.

Въ своемъ тѣсномъ кругу бывали у насъ съ Пушкинымъ откровенные споры. Я былъ ярый спорщикъ, онъ тоже. Раевскій любилъ насъ подзадоривать и стравливать. Однажды Пушкинъ коснулся аристократическаго начала, какъ необходимаго въ развитіи всѣхъ народовъ; я же щеголялъ тогда демократизмомъ. Пушкинъ, наконецъ, съ жаромъ воскликнулъ: „Я не понимаю, какъ можно не гордиться своими историческими предками! Я горжусь тѣмъ, что подъ выборною грамотой Михаила Ѳедоровича есть пять подписей Пушкиныхъ“. Тутъ Раевскій очень смѣшнымъ сарказмомъ обдалъ его, какъ ушатомъ воды, и споръ нашъ кончился. Уже послѣ я узналъ, по нѣсколькимъ подобнымъ случаямъ, объ одной замѣчательной чертѣ въ характерѣ Пушкина: объ его почти невѣроятной чувствительности ко всякой насмѣшкѣ, хотя бы самой невинной и даже пошлой. Противъ' насмѣшки онъ оказывался всегда почти безоружнымъ и безотвѣтнымъ. Ея впечатлѣніе поражало его иногда такъ глубоко, что оно не сглаживалось въ немъ во всю жизнь. Вотъ тому примѣръ. Въ Одессѣ, въ одно время съ нимъ, жилъ Александръ Раевскій, старшій братъ Николая. Онъ былъ тогда настоящимъ „демономъ“ Пушкина, который изобразилъ его въ извѣстномъ стихотвореніи очень вѣрно. Этотъ Раевскій дѣйствительно имѣлъ въ себѣ что-то такое, что придавливало душу другихъ. Сила его обаянія заключалась въ рѣзкомъ и язвительномъ отрицаніи:

Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ.
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ!

Я испыталъ это обаяніе на самомъ себѣ. Въ послѣдствіи, въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ, робость и почти страхъ къ нему ослабли во мнѣ,

и я чувствовалъ себя съ нимъ уже какъ равный съ равнымъ. Пушкинъ, въ Одессѣ, хаживалъ къ нему обыкновенно по вечерамъ, имѣя позволеніе тушить свѣчи, чтобъ разговаривать съ нимъ свободнѣе впотьмахъ. Однажды Пушкинъ зашелъ къ нему утромъ и прочелъ свое новое антологическое стихотвореніе, начинавшееся такъ:

Подруга милая, я знаю отчего
Ты съ нынѣшней весной отъ нашихъ игръ отстала;
Я тайну сердца твоего
Давно, повѣрь мнѣ, угадала:
Хромидъ въ тебя влюбленъ и т. д.

Раевскій оставилъ его у себя обѣдать. Къ обѣду явилось еще нѣсколько лицъ. За обѣдомъ Раевскій сообщилъ о новомъ произведеніи поэта, и всѣ, разумѣется, стали просить прочесть его; но Раевскій не далъ читать Пушкину, сказавъ, что самъ прочтетъ, такъ какъ эти прекрасные стихи сразу врѣзались ему въ память, и началъ такъ:

Подруга милая, я знаю отчего
Ты съ нынѣшней весной отъ нашихъ игръ *удрала*.

Эта вздорная шутка невольно всѣхъ разсмѣшила, и ея было достаточно, чтобъ Пушкинъ во всю жизнь не рѣшился напечатать вполнѣ этого стихотворенія, и оно оставалось въ печати урѣзаннымъ, начиная со словъ:

Хромидъ въ тебя влюбленъ.

Оно появилось вполнѣ только въ посмертномъ изданіи.

Пушкинъ самъ вспоминалъ со смѣхомъ нѣкоторые случаи подчиненности своему демону, до того уже комическіе, что мнѣ даже казалось, что онъ пересаливаетъ свои рассказы. Но потомъ я провѣрилъ ихъ у самаго Раевского, который повторилъ мнѣ буквально тоже.

Какъ объяснить эту черту въ независимомъ характерѣ Пушкина? Не служитъ ли она свидѣтельствомъ дѣтскаго его простодушія, полного въ немъ отсутствія высокоумнаго самоумнѣнія и смиренной неувѣренности въ себѣ, хотя онъ и сознавалъ теоретически, что поэтъ самъ себѣ высшій судъ? Всѣ эти свойства показываютъ въ немъ глубоко-Русскаго человѣка, котораго за то онъ и постигалъ такъ вѣрно своимъ чувствомъ, во всѣхъ положеніяхъ бытовыхъ и историческихъ, быть можетъ самъ даже не сознавая того ясно, такъ какъ поэты въ своихъ созданіяхъ не дѣлаютъ математическихъ выкладокъ: всякое представленіе слагается въ ихъ фантазіи конкретно, и они творятъ, а не сочиняютъ, потому поэтическое творчество и называется вдохновеніемъ. Но

вдохновеніе даетъ поэту лишь внутреннее содержаніе; внѣшняя же форма требуетъ художественнаго труда, и у Пушкина этотъ трудъ былъ немалый.

Изъ всѣхъ временъ года онъ любилъ болѣе всего осень, и чѣмъ хуже она была, тѣмъ для него была лучше. Онъ говорилъ, что только осенью овладѣвалъ имъ бѣсъ стихотворства и рассказывалъ по этому поводу, какъ была имъ написана послѣдняя въ то время поэма: „Полтава“. Это было въ Петербургѣ. Погода стояла отвратительная. Онъ усѣлся дома, писалъ цѣлый день. Стихи ему грезились даже во снѣ, такъ что онъ ночью вскакивалъ съ постели и записывалъ ихъ впотѣмахъ. Когда голодъ его прохватывалъ, онъ бѣжалъ въ ближайшій трактиръ, стихи преслѣдовали его и туда, онъ ѣлъ на скорую руку, что попало, и убѣгалъ домой, чтобъ записать то, что набралось у него на бѣгу и за обѣдомъ. Такимъ образомъ слагались у него сотни стиховъ въ сутки. Иногда мысли, не укладывавшіяся въ стихи, записывались имъ прозой. Но затѣмъ слѣдовала отдѣлка, при которой изъ набросковъ не оставалось и четвертой части. Я видѣлъ у него черновые листы, до того измаранные, что на нихъ нельзя было ничего разобрать: надъ зачеркнутыми строками было по нѣскольку рядовъ зачеркнутыхъ же строкъ, такъ что на бумагѣ не оставалось уже ни одного чистаго мѣста. Не смотря, однакожь, на такую работу, онъ кончилъ „Полтаву“, помнится, въ три недѣли.

Онъ былъ склоненъ къ движенію и разсѣянности. Когда было хорошо подъ небомъ, ему не сидѣлось подъ кровлей, и потому его любовь къ осени, съ ея вдохновительнымъ на него вліяніемъ, можно объяснить тѣмъ, что осень, съ своими отвратительными спутниками, дождемъ, слякотью, туманами и нависшимъ до крышъ свинцовымъ небомъ, держала его какъ бы подъ арестомъ, дома, гдѣ онъ сосредоточивался и давалъ свободу своему творческому бѣсу. Природа угождаетъ художникамъ не одинаково: Пушкину мила была осень своею непогодой; а Брюловъ, я помню, по поводу некончаемой имъ Осады Пскова, горько жаловался мнѣ, что подъ Петербургскимъ войлочнымъ небомъ ему приходится по цѣлымъ полугодіямъ не брать въ руки кисти для большой работы.

Съ Пушкинымъ былъ походный чемоданъ, дно котораго было наполнено бумагами. Когда рѣчь зашла о прочтеніи намъ еще ненапечатанныхъ: „Бориса Годунова“ и послѣдней пѣсни „Онѣгина“, онъ отдалъ брату Льву и мнѣ этотъ чемоданъ, чтобъ мы сами отыскали въ немъ то, чего намъ хочется. Мы и нашли тамъ тетрадь „Бориса Годунова“ и отрывки „Онѣгина“, на отдѣльныхъ листикахъ. Но мы этимъ разумеется не удовольствовались, а пересмотрѣли все и отыри, между про-

чимъ, прекрасный, чистый автографъ „Кавказскаго Пѣнника“. Когда я показалъ Пушкину этотъ послѣдній, говоря, что это драгоценность, онъ, смѣясь, подарилъ мнѣ его; но Раевскій, попросивъ у меня посмотреть, объявилъ, что такъ какъ поэма посвящена ему, то ему принадлежитъ и чистый автографъ ея, и Пушкинъ не имѣетъ права дарить его другому. Можно себѣ представить мою досаду! Я бросился огнемать у Раевскаго, но долженъ былъ уступить его домовою силѣ. Послѣ Раевскій, взявъ съ меня честное слово возвратить, далъ мнѣ эту рукопись, чтобъ выписать изъ нея мѣста, пропущенныя въ печати. Но такихъ пропусковъ оказался всего одинъ. Послѣ словъ:

Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ весельемъ призракомъ свободы—

въ печати пропущены слѣдующіе восемь стиховъ:

Свобода! Онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и къ лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленные тобою,
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Затѣмъ, какъ въ печати:

Свершилось! Цѣлью упованья
Не зрять онъ въ жизни ничего и т. д.

Жаль мнѣ и теперь этого автографа, такъ-какъ у Раевскаго онъ пропалъ безслѣдно: ни у вдовы, ни у сыновей, его не оказалось. Въ замѣнъ отвятаго у меня подарка, Пушкинъ далъ мнѣ другой автографъ «Къ морю», тоже чистый, но съ поправками и съ добавленіемъ лучшей строфы о Байронѣ съ боку:

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты глубокъ, могучъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ ~~недостижимъ~~.

Этотъ автографъ и теперь хранится у меня.

Тамъ же мы нашли неизвѣстную еще тогда прекрасную элегію: «Надеждой сладостной младенчески дыша», которую Анненковъ, не знаю

почему, принявъ за стихотвореніе, назначавшееся для Онѣгина, какъ написанное Ленскимъ. Но размѣръ элегіи нисколько не подходитъ къ строфамъ Онѣгина; да и Пушкинъ, вѣроятно, указалъ бы намъ на такое ея назначеніе, такъ какъ онъ объяснялъ намъ довольно подробно все, что входило въ первоначальный его замысль, по которому, между прочимъ, Онѣгинъ долженъ былъ или погибнуть на Кавказѣ, или попасть въ число Декабристовъ. Кроме того, въ изданіи Анненкова, въ числѣ многихъ прочихъ, сдѣлана и въ этой элегіи большая ошибка: лучший въ ней стихъ

И мысль одна *плыветъ* въ небесной чистотѣ,

напечатанъ:

И мысль одна *течетъ* въ небесной чистотѣ.

Можетъ быть, въ какой нибудь черновой Пушкина и было такъ; но въ томъ экземплярѣ, который былъ у меня въ рукахъ и съ котораго я списалъ себѣ копію, сказано *плыветъ*, а не *течетъ*. Разница въ смыслѣ этихъ словъ, особенно въ художественномъ выраженіи мысли, большая.

«Бориса Годунова» и отрывки послѣдней части «Онѣгина» Пушкинъ читалъ намъ самъ. Онъ, по моему, не былъ чтецомъ-мастеромъ: его декламация впадала въ искусственность. Левъ Сергѣевичъ читалъ его стихи лучше, чѣмъ онъ. При чтеніи «Бориса Годунова» случился забавный эпизодъ. Между присутствовавшими былъ генераль М., извѣстный прежде всего своимъ колоссальнымъ педантизмомъ. Во время сцены, когда самозванецъ, въ увлеченіи, признается Маринѣ, что онъ не настоящій Димитрій, М. не выдержалъ и остановилъ Пушкина: «Позвольте, Александръ Сергѣевичъ, какъ-же такая неосторожность со стороны самозванца? Ну а если она его выдастъ?» Пушкинъ съ замѣтною досадою: «прождите, увидите, что не выдастъ». Послѣ этой выходки, Пушкинъ объявилъ рѣшительно, что при М. онъ больше ничего читать не станетъ; и когда, потомъ, онъ собрался читать намъ Онѣгина, то поставлены были маховые, чтобъ дать знать, если будетъ къ намъ идти М. Онъ и шелъ; но, по данному сигналу, всѣ мы разбѣжались изъ палатки Раевскаго. М. пришелъ, нашелъ палатку пустою и возвратился во свояси. Тогда мы собрались опять, и чтеніе состоялось.

Здѣсь, кстати, для характеристики М., расскажу другой случай его со мною лично. Въ 1828 году, подъ Ахалцихомъ, я былъ раненъ въ ногу и лежалъ внутри мечети, а Раевскій занималъ наружную крытую галерею, при входѣ въ нее (по нашему паперть). Разъ собралось къ Раевскому нѣсколько лицъ къ обѣду, въ томъ числѣ и гене-

ралъ М. Онъ вошелъ ко мнѣ. «Поздравляю васъ».—«Съ чѣмъ, позвольте узнать?»—«Съ тѣмъ, что вы ранены».—«То-есть съ тѣмъ, что не убить? Покорно васъ благодарю».—«Нѣтъ, но вамъ должно быть очень пріятно быть раненымъ».—«Напротивъ того, и больно и скучно лежать».—«Да, но оказываемое вамъ сочувствіе!»—«Что же тутъ особеннаго? Всякому больному, а тѣмъ болѣе раненому, всѣ оказываютъ сочувствіе».—«Да, но не всѣмъ оказывается такое вниманіе, какъ вамъ: васъ вотъ навѣщаютъ и генералы». Я не удержался и закричалъ: «Пушкинъ, пооди сюда!» Вбѣжалъ ко мнѣ Левъ.—«Вотъ Н. Н. находить, что мнѣ должно быть очень пріятно быть раненымъ, и знаешь почему? Потому, что меня навѣщаютъ генералы».—«Ха, ха, ха!» И Левъ Сергѣевичъ съ хохотомъ выбѣжалъ рассказывать объ этомъ собравшемуся обществу. Ко мнѣ нахлынула вся толпа: «Что такое? что такое?» Я рассказалъ. Раевскій радъ былъ случаю поострить, другіе подмѣшивали къ его острогамъ свою соль, и великодушному генералу было видимо очень неловко.

Въ бывшихъ у насъ литературныхъ бесѣдахъ, я разъ сдѣлалъ Пушкину вопросъ, всегда меня занимавшій: какъ онъ не поддался тогдашнему обаянію Жуковского и Батюшкова и, даже въ самыхъ первыхъ своихъ опытахъ не сдѣлался подражателемъ ни того, ни другаго? Пушкинъ мнѣ отвѣчалъ, что этимъ онъ обязанъ Денису Давыдову, который далъ ему почувствовать еще въ Лицеѣ возможность быть оригинальнымъ.

Пушкинъ имѣлъ хорошее общее образованіе. Кромѣ основательнаго знакомства съ иностранной литературой, онъ зналъ хорошо нашу исторію, и вообще, для своего серьезнаго образованія, воспользовался съ успѣхомъ ссылкой. Такъ, между прочимъ, онъ выучился поанглійски. Съ нимъ было нѣсколько книгъ, и въ томъ числѣ Шекспиръ. Однажды онъ, въ нашей палаткѣ, переводилъ брату и мнѣ нѣкоторые изъ него сцены. Я когда-то учился Англійскому языку, но не доучившись какъ слѣдуетъ, забылъ его въ послѣдствіи. Однакожь все-таки мнѣ остались знакомы его звуки. Въ чтеніи же Пушкина Англійское произношеніе было до того уродливо, что я заподозрилъ его знаніе языка и рѣшилъ подвергнуть его экспертизѣ. Для этого, на другой день, я зазвалъ къ себѣ его родственника Захара Чернышева, знавшаго Англійскій языкъ, какъ свой родной, и, предупредивъ его, въ чемъ было дѣло, позвалъ къ себѣ и Пушкина съ Шекспиромъ. Онъ охотно принялся переводить намъ его. Чернышевъ при первыхъ же словахъ, прочитанныхъ Пушкинымъ поанглійски, расхохотался: «Ты скажи прежде, на какомъ языкѣ читаешь?» Расхохотался въ свою очередь и Пушкинъ, объяснивъ, что онъ выучился поанглійски самоучкой, а потому читаетъ Англій-

скую грамоту, какъ Латинскую. Но дѣло въ томъ, что Чернышевъ нашелъ переводъ его совершенно правильнымъ и пониманіе языка безукоризненнымъ. Это можетъ, между прочимъ, служить отвѣтомъ г. Пржецлавскому, который, съ Польскимъ приниженіемъ передъ Пушкинымъ, выставилъ его рядомъ съ Мицкевичемъ совершеннымъ невѣждой.

Изъ Эрзерума Пушкинъ уѣхалъ обратно. Помню, какъ, сѣвъ на коня, съ послѣднимъ рукопожатіемъ, онъ сказалъ мнѣ: «До свиданія въ Петербургъ». Но увы, этому свиданію не суждено было состояться: я не попалъ въ Петербургъ до его смерти. По временамъ имѣлъ я о немъ кое-какія свѣдѣнія изъ писемъ ко мнѣ его брата. Потомъ, по пріѣздѣ ко мнѣ Льва Сергѣевича, я узналъ подробно о его новомъ житьѣ-бытьѣ. Всѣ свѣдѣнія, по внѣшности, были благоприятны; но я былъ какъ-то ими недоволенъ: мнѣ все казалось, что при дворѣ и въ пустой средѣ большого свѣта поэту было не мѣсто. Разъ я даже высказалъ Льву мою мысль о томъ, что красавицы въ большомъ свѣтѣ опасныя спутницы въ жизни. Тотъ обидѣлся за свою невѣстку. Катастрофа не замедлила дать намъ свой положительный отвѣтъ.

Скажу въ заключеніе.

Долго мы довольствовались только внѣшнею прелестью стиховъ Пушкина. Но такъ всегда бываетъ съ великими художниками; ихъ произведенія, прежде всего, дѣйствуютъ на наше чувство, оставляя мысль, такъ сказать, въ сторонѣ. Для изученія же внутренняго міра ихъ созданий наступаетъ очередь лишь тогда, когда мы насладились досыта ихъ внѣшнею красотою. Мы и теперь еще не понимаемъ Пушкина вполне, до сихъ поръ еще находимся подъ обаяніемъ болѣе формы, чѣмъ содержанія. Но переходъ уже наступаетъ, и мы начинаемъ пытливо вдумываться въ это содержаніе.

Мы привыкли смотрѣть на себя, какъ на нѣчто второстепенное въ умственной сферѣ Европейскихъ народовъ и, потому, можетъ казаться страннымъ утвержденіе Э. М. Достоевскаго, что гений Пушкина охватывалъ болѣе широкій горизонтъ, чѣмъ самые крупные западные поэты (за исключеніемъ одного Шекспира, прибавлю я). Однакожь это совершенно вѣрно: въ твореніяхъ нашего поэта заключается тайникъ, гдѣ много еще поколѣній будутъ открывать отвѣты на вопросы жизни, не только нашей Русской, но и общечеловѣческой. Пушкинъ, конечно, высказывалъ, по гениальному чутью, многое, въ глубину чего онъ самъ еще не прозрѣвалъ отчетливо. Перечитывая иногда его сочиненія, я каждый почти разъ встрѣчаю мѣста, въ смыслѣ которыхъ нахожу пророческія откровенія. Ни въ комъ еще Русскій народный ключъ не билъ такою обильною струей, какъ въ Пушкинѣ, никто еще другой не заглядывалъ такъ глубоко въ Русскую душу и не переда-

валь такъ вѣрно того, что заставляетъ сильнѣе биться наше сердце. Каждый находилъ и находитъ у него своему дорогому чувству или своей любимой мысли самое внятное, самое усладительное, самое гармоническое выраженіе. Вотъ почему его такъ все и любили и будутъ любить, пока не порвутся въ насъ струны своеобразныхъ ощущеній. Вотъ почему онъ и народный нашъ поэтъ по преимуществу.

Какъ я сказала въ началѣ, въ памяти моей многое изгладилось совершенно, многое осталось неяснымъ, и я передаю только то, въ вѣрности чего самъ увѣренъ. Но и этотъ скудный вѣнокъ кладу съ благоговѣніемъ къ подножію его памятника, благодаря судьбу, давшую мнѣ возможность знать его лично и украшать мои старческія воспоминанія какъ бы живымъ созерцаніемъ великаго человѣка.

М. Юзefовичъ.

Іюль 1880 года
Кіевъ.

к сур. 10

"Justine ou les liaisons dangereuses"
ш.в. "Козачоуни аминто". Но сво-
бам профессора Institut Fran-
çais de Prague /иже не суще-
ствует/ М. Жан Раскин, ким
и с мавим неувалецием
во ервонку зсвои чинсра-
чуре мш. Ргоь несомнен-
но едем о чинс маре-
за де-Сада с чинсним
неувалецием. К сачинию,
а ео не чинс.

М. Раскин

10.04. 1965. /Раскин!.

Раскин